

НА ПУСТОМ МЕСТЕ

ГЕНИИ

НЕ РОЖДАЮТСЯ

Инэль Яшина - не только любимая северянами поэтесса, но и глава областной писательской организации. Свою нелегкую ношу руководителя она несет уже восемь лет.

— **Инэль Петровна, вы, может быть, несколько лукавили, когда писали такие строки:**

*Пролетать бы так, чтоб, автора забыв,
Гуляла песня дивная по свету.
А чьи слова и кто напел мотив—
И вспоминать не надобно об этом.*

Ведь все-таки неплохо бы, чтоб помнили автора такой песни...

— Почему лукавила? Я всей своей жизнью доказала, что никогда не стремилась популяризировать свое имя, никогда не использовала свою должность как трамплин, для того, чтобы, например, издать книжку, где-то «засветиться», «прогнеть». А имя обязательно останется в жизни, потому что есть книги есть спрос на них. На прилавках они не залеживались.

— **Как получилось, что стихи котласской медицинской сестры Инэль Яшиной прочитала известная поэтесса Ольга Фокина и предложила их журналу «Наш современник» для публикации?**

— Ольга Александровна, как обычно, ехала через Котлас в свою Верхнюю Тойму. С двумя маленькими детьми. Девочка Инга не только выросла, но и стала поэтессой, членом Союза писателей). У меня в ту пору был уже солидный багаж в виде стихотворений. Архангельск меня не принимал. Как я позднее стала понимать, в областной писательской организации боялись плагиата: приехала откуда-то с Волги, стихи профессиональные — не ворованные ли?.. Тем более что в Котласе была в то время дама, которая в шумных компаниях теплоходов и поездов выдавала себя за Римму Казакову. Писатели осторожничали...

Северяне — народ строгий, взыскательный. В писательскую организацию вступить было очень сложно. Прием был трехступенчатый. Если уж приняли — это судьбоносно для человека...

Так вот, ответсекретарь «Двинской правды» Светлана Горшкова (она живет сейчас в Красноборске) узнала, когда будет Ольга Александровна в Котласе, выдержала меня из больницы и привела на деревянный речной дебаркадер. Пока мы гуляли с детьми Ольги, она читала стихи. Фокина удивилась, что моя книга все еще не вышла: «Вы же состоявшийся поэт!»

Еще мне Ольга Александровна ска-

зала, что учить меня нечему, что поступать в Литинститут — я хотела стать его студенткой — мне незачем, потому, что там занимаются «лепкой» по образцу и подобию других писателей. Она подняла мой дух еще до публикации стихов, тетрадку которых взяла с собой. В то время — шел 1975 год — журнал «Наш современник», который редактировал Сергей Викулов, был очень почетной писательской трибуной, еще ни одного архангелогородца там не печатали, я была очень горда публикацией.

Отношение архангельских писателей ко мне изменилось. Меня пригласили на обсуждение рукописи первой книги, которая вышла, наконец, в 1979 году под названием «Гремячий ключ».

— **С тех пор не так много книг прибавилось у вас, еще только три...**

— Значение поэта определяется не количеством книг. И потом, сколько раз мне доводилось слышать: «Ой, не читайте это, я стесняюсь своей первой книги». А мне нечего стесняться — ни первой книжки, ни последней. Они все довольно ровные. Потому что я не отдаю в печать то, что плохо. И не пишу о том, к чему душа не лежит. Одна дама из обкома КПСС мне сказала: «Котласский ЦБК гремит на всю страну, поезжайте в Коряжму, напишите поэму». Пришлось ответить: я не Евтушенко, который, напакостив, едет на КамАЗ и пишет поэму, замаливая грех; я так не могу — приехала и выдала; чтобы написать, я должна знать людей, знать производство, я не терплю ничего поверхностного. В общем, не было ни поездки, ни поэмы.

— **Еще раз вас процитирую:**
*Когда страдаю, я стихи творю,
Поэзия всегда жива страданьем.*

По такой логике, как бы должно быть следующее: жизнь стала легче, значит стихов вы пишете меньше...

— Наверно, не меньше. Но — иначе. Из общего потока моих стихов стала выпирать публицистика. Детство все чаще вспоминается. И как будто пропала моя лирика — любовная, пейзажная. Читатели просят переиздать мои старые стихи, которые выходили маленькими тиражами (больше пяти тысяч не было) и раскупались в несколько дней что в городе, что в деревне.

Теперь мой поэтический голос изме-

нил окраску, я болею не только за своих детей, за своего любимого. Не буду скромничать, во мне все боли страны. Сейчас писателей умирает больше, чем в годы репрессий, — это о чем-то говорит?.. И за язык русский страшно. На областном телевидении «Поморье», не в юмористической передаче, прозвучало: архангельский театр моды «Чайка» произвел в Москве сенсацию показом своих польт и костюмов...

— **Валентин Распутин назвал период реформ океанским десятилетием. Многие винят в бедах России интеллигенцию. Но Даниил Гранин считает, что интеллигенции у нас вообще нет. Что вы на этот счет думаете?**

— Интеллигенция повинна во многом. Кто же, как не она, писал все эти новые законы?.. Но интеллигенция есть честная и есть продажная. Последняя — эта та, которая и раньше кормилась за счет заказов. Я ей не верю, как и раньше. Она резко склонилась к православию, ее по телевизору показывают, когда она в храмах со свечками...

Да, справедлив строгий спрос с интеллигенции. Но в то же время она — и надежда наша. Интеллигентность — это прежде всего совестливость. И неважно, какое у тебя образование.

— **Ваша писательская организация — не слишком большая?**

— Велика, но не слишком, потому что велика наша область, потому что очень значимо ее географическое и стратегическое положение. Неужели могло быть мало литераторов при нашей культуре, уходящей корнями в древность, и при особом северном менталитете?.. В конце июня билет члена Союза писателей России вручен 34-му человеку, Людмиле Егоровой.

Живется нашей организации нелегко... Советом народных комиссаров в 1934 году принято постановление (СНК, а не НКВД, как писали недавно в «Аргументах и фактах»), по которому писателю полагаются дополнительно 20 метров жилой площади — для рабочего кабинета, библиотеки. (Сколько угодно можно ругать Советскую власть, но в данном случае решение правильное). У нас, в Архангельске, эта льгота не предоставляется. Знаете, какую квартиру получил с женой серьезный прозаик, участник Великой Отечественной войны Алексей Степанович Коткин? Одноком-

натную. Не то что дополнительной жилой площади, нормальных жилищных условий многие не имеют. Никто не верит, что я живу в Исакогорке, в «негритянских кварталах».

Наша организация, творческая, зарегистрирована как общественная. По новому бюджетному кодексу нас могут снять с и без того скромного финансирования. А нас всего-то четыре человека — бухгалтер, два консультанта и я.

Писателям положены стипендии — четыре минимальных размера оплаты труда. До сих пор за 1999 год эти деньги не получены. Если литератор работает над серьезным историческим романом, то на что ему жить? В концертах участвовать? Петь и плясать? Читать «сырую» еще вещь?..

Надеюсь, мы заключим хороший договор (сейчас разрабатываем его) о взаимодействии с комитетом по культуре, дабы не было впрямь таких неприятных моментов, как перед Днями культуры Архангельской области в Москве. Хоры повезли, а о писателях забыли. Когда все же взяли, то мы в столице в грязь лицом не ударили.

— **К вам по-прежнему «чемоданы» несут рукописи?**

— По-прежнему много. И читать все это на общественных началах никто не будет. Но если не читать, то можно задавить литературу. Ведь на пустом месте гении не рождаются.

Когда меня выбрали на эту должность, я поразились, почему не были в Союзе такие талантливые прозаики, как архангелогородец Михаил Попов, вилежанин Николай Редкин. Потом стала открывать другие странности: кто-то определил, что поэтом можно быть до 50 лет, а потом следует на прозу переходить. Но, например, онежанин Евгений Токарев поэт — так поэт, на всю жизнь, он и на седьмом десятке лет стихи пишет и будет писать. Как его было не принять в Союз?..

— **На ваш взгляд, в таком явлении, как «самиздат», больше негативных или позитивных сторон?**

— Негативных. Как говорится, в чужом глазу соринку вижу, а в своем и бревно не замечаю. Что говорить о «самодельных авторах», даже профессионалы грешат абберацией зрения. Северодвинский поэт и прозаик Ангелина Прудникова — талантливый автор, а что творит!.. К мнению рецензен-

тов она не прислушивается. И Валерий Чубар, и Анатолий Левушкин написали отрицательные отзывы, но она в течение года «вылепила» три книжки!.. Дилетанты тем более переоценивают собственное «я». Другим, домашним нравятся их произведения — вот они и сочиняют всякие поздравлялки, дифирамбы, «оды». Пресмыкаются перед чином каким-то или перед денежным мешком... Это что угодно, только не большая поэзия, которая не терпит суеты и славословия. Надо, видимо, добиться принятия на областном уровне решения, по которому книжки выходили бы при наличии положительных рецензий хотя бы двух специалистов. Чтобы не было впрямь подобных «перлов»: «Стекала еловая смола по золотому стволу сосны».

— **Вы давно завели привычку класть на ночь рядом с подушкой ручку и бумагу на случай, если ночью «придут стихи»?**

— Лет 30 назад. Сколько у меня собралось пожелтевших от старости обрывков газет, бумаги, салфеток со стихотворными строчками. Но нет времени вернуться к ним, доработать. Однако я приучила своих домашних: без моего ведома ничего не выбрасывать. Внуки, если найдут какую-то бумажку, несут: «Бабушка, это можно выкинуть?»

— **Насчет нехватки времени, журнал «Гиперборей» его тоже отнимает?**

— Нет, тут иначе. Нам повезло с редактором, поэтому уже первый номер, который вышел в начале этого года, получил в газете Союза писателей России «День литературы» лестную оценку секретаря Союза Николая Переяслова: «Не по-провинциальному свежая идея родилась в городе Северодвинске Архангельской области, где начал выходить журнал «Гиперборей», практически полностью посвященный критике, проблема которой, по мнению его главного редактора — Людмилы Жуковой, требует неотложного решения. (...) сам факт появления издания такого рода в далекой северной глубинке свидетельствует о явно усиливающейся потребности народа разобрататься в льющемся на его голову потоке постмодернистского, криминального, эротического и всякого иного чтива». Думаю, разберемся...

Сергей ДОМОРОЩЕНОВ.
Фото Валентина Гайкина.